

Критика марксизма как прототеория культурного капитала и «нового класса»: теория интеллигенции Яна Вацлава Махайского*

Мария Черновская

Аспирантка Школы философии и культурологии, факультет гуманитарных наук;
стажер-исследователь, Международная лаборатория исследований
русско-европейского интеллектуального диалога,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 10100
E-mail: chernovskayam@gmail.com

Статья посвящена теории интеллигенции Яна Вацлава Константиновича Махайского (1866–1926), а также истории ее трансфера и рецепции в современной западной социальной теории. Основной тезис статьи заключается в том, что теория Махайского оказала непосредственное влияние на формирование ряда западных социальных концепций второй половины XX века: теорий «нового класса» и постиндустриального общества. Статья включает в себя обзор современной исследовательской литературы, посвященной Махайскому, краткий биографический очерк и экспликацию основных положений его теории интеллигенции. Прослежена история рецепции и критики теории Махайского в дореволюционный и советский период в России, в результате которой она была фактически вытеснена из российского концептуального и теоретического контекста. Далее описана история трансфера этой теории в западный (англоязычный) контекст, в котором решающую роль сыграл Макс Номад. В результате этого трансфера эти идеи оказались известны и были восприняты рядом крупных социальных теоретиков середины XX века, в частности, Дэниелом Беллом и Алвином Гоулднером. В завершающей части работы показано, что идеи Махайского, рассматривавшего доступ к знанию и образованию как определенный вид капитала, могут быть систематически распознаны и в более поздних теориях, в частности, в теории культурного капитала Пьера Бурдьё и в концепции общества сингулярностей Андреаса Реквица.

Ключевые слова: Ян Вацлав Махайский, интеллектуалы, интеллигенция, «новый класс», Дэниел Белл, культурный трансфер

Проблематика интеллигенции или интеллектуалов получает широкое распространение в европейском общественно-политическом дискурсе начиная со второй трети XIX века¹: «Характер ключевого понятия эпохи оно [понятие «интеллигенция». — М. Ч.] приобретает во Франции и Англии около 1830 г., в Германии

---

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

1. Обзор теоретических концепций интеллигенции и ряда соответствующих национальных традиций см. в монографии «История и теория интеллигенции и интеллектуалов» (Куренной, 2009).

около 1848 года, наконец, в России после 1860-го» (Müller, 1970: 50). Уже в середине XIX века феномен интеллигенции становится предметом рефлексии ранних социальных историков и теоретиков. «История социальных движений во Франции с 1789 года до наших дней» Лоренца фон Штейна, вышедшая в трех томах в 1850 году, является, как считает Отто Вильгельм Мюллер, первой работой, которая оказала определяющее влияние на содержание понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы» в последующей социальной теории (Müller, 1971: 85). Штейн считает «образованную интеллигенцию» составной частью «третьего сословия», поднявшегося — наряду с владельцами капиталов и необразованной и лишенной собственности массой — на борьбу с абсолютистским государством, а также указывает на связь, существующую между обладанием властью и уровнем образованности социального класса². Практически одновременно с работой Штейна выходит книга Вильгельма Генриха Рия «Гражданское общество», где вводится понятие «пролетариат духовного труда», включающее в себя широкий слой чиновников, людей, связанных со сферой образования и церковной жизни, художников и журналистов. Наряду с «пролетариатом материального труда» и «аристократическим пролетариатом» эта группа образует уже «четвертое сословие». Именно пролетариат духовного труда, по замечанию Рия, представляет собой «подлинную *ecclesia militans* четвертого сословия» (Riehl, 1851: 299)³. Таким образом, уже к середине XIX века понятия «интеллигенция», «пролетариат духовного труда» и т. д. находят себе место в социальной теории своего времени. В качестве устойчивейшей характеристики определенной социальной группы они активно перенимаются немецкими социал-демократами и марксистами: интеллигенции посвящено множество полемических заметок и работ Августа Бебеля, Карла Каутского, Розы Люксембург и др., откуда она проникает в круг проблем, обсуждаемых русскими социал-демократами⁴. В то же время наблюдается и обратное влияние русского дискурса интеллигенции на европейскую социальную и политическую мысль: внимание к этому феномену было первоначально обусловлено революционными событиями в России 1905 года⁵. Характеризуя механизм этого трансфера, Отто Мюллер замечает: «Именно социалисты еврейского происхождения, выходцы из России и Польши, хорошо знакомые с использованием этого ключевого понятия

---

2. Ср.: «Обладание духовными благами у отдельного человека мы называем образованием. Подобно тому, как духовное господствует над материальным, так и образование есть первая абсолютная предпосылка для господства какого-то общественного класса. Поэтому первое условие для возвышения зависимого класса — это получение образования. И, с другой стороны, действительно полученное образование есть первая необходимость общественной свободы для несвободных людей» (Stein, 1921: 85).

3. *Ecclesia militans* (лат.) — воинствующая церковь.

4. Подробную характеристику основных работ см.: Müller, 1971: 86–90.

5. Показателен в этом отношении интерес Макса Вебера к этим революционным событиям, выразившийся в появлении цикла статей о России, в которых он также обращается к вопросу об интеллигенции и ее роли. См. статьи 1906 года «К положению буржуазной демократии в России» и «Переход России к псевдоконституционализму» (Вебер, 2007: 14–103). В контексте дискуссии о деле Дрейфуса к русскому феномену интеллигенции обращается в 1905 году также Шарль Моррас (Моррас, 2003).

[«интеллигенция». — М. Ч.] как в России, так и на Западе, с наибольшей вероятностью были в состоянии транслировать сложившиеся в России представления об интеллигенции в понятийный мир западной социал-демократии» (Müller, 1971: 90, Anm. 169). В то же время, отмечает далее автор, феномен русской «интеллигенции» оставался для немецких исследователей России начала XX века «странным и страшным» (Ibid.: 91).

Существующие исследования о связи русского и западного дискурса интеллигенции, таким образом, давно опровергли представления об изолированном и самобытном характере русской интеллигенции⁶. Тем не менее вопросы, связанные с исследованием механизмов взаимовлияния и трансфера идей и понятий в этой сфере во многом остаются малоизученными. В рамках настоящей статьи речь идет об одном эпизоде этой истории, который представляет интерес не только с чисто историографической точки зрения, но проливает свет на то, каким образом одна из теорий интеллигенции, сформулированная в русском полемическом контексте, оказала прямое влияние на формирование целого спектра современных социальных теорий, а ее типологические особенности в опосредованном виде могут быть прослежены вплоть до работ актуальных социальных теоретиков. Речь идет о теории интеллигенции Яна Вацлава Махайского, которая до настоящего времени почти не привлекает внимание исследователей истории российской мысли. В первой части работы мы эксплицируем основные положения этой теории и кратко остановимся на биографии Махайского, а также рассмотрим особенности рецепции его теории в российском дореволюционном контексте. Далее осветим историю разгрома этой теории в советском публичном дискурсе 1920–1930-х годов. Вторая часть работы посвящена истории трансфера и рецепции идей Махайского в западной социально-теоретической мысли. При посредничестве Макса Номада идеи Махайского стали известны, в частности, Дэниелу Беллу и Алвину Гоулднеру, оказав прямое влияние на целый ряд послевоенных теорий «нового класса» и постиндустриального общества. В завершение сохраняющаяся актуальность теоретических идей Махайского показана на примере их сопоставления с концепцией культурного капитала Пьера Бурдьё и теории общества сингулярности Андреаса Реквица.

Состояние исследований

Исторические и концептуальные исследования, посвященные творчеству Яна Вацлава Махайского, весьма немногочисленны. В современной литературе по истории русских политических движений он заслуживал лишь кратких обзор-

---

6. Хотя эти представления обладают высокой инертностью. Так, А. Кустарев в книге «Нервные люди» замечает: «Убеждение, что российская интеллигенция уникальна, доминирует в российском общественном сознании. Рядом с ним всегда существовала иная точка зрения, но она никогда не была популярна. Ее даже не замечали. Эта диспозиция подчеркивает то, что убеждение в своей уникальности было результатом сильно мотивированного выбора» (Кустарев, 2006: 281).

ных упоминаний (Биллингтон, 2001: 573–574). Более внимательны к его творчеству историки анархизма. Среди них следует выделить американского историка Пола Аврича, в работе которого «Русские анархисты» (Avrich, 1967) Махайский отнесен к сторонникам характерного для русского анархизма антиинтеллектуализма. Французский анархист Александр Скирда, солидаризуясь с антимарксистскими взглядами Махайского, рассматривает его в контексте эволюции социалистических идей в XIX — начале XX века, лаконично сопоставляя концепцию Махайского с теориями Роберта Михельса и Вильфредо Парето, изучавших формирование и функционирование элит в разных типах обществ (Скирда, 2003). Из исследований, специально посвященных Махайскому, необходимо выделить книгу Маршалла Шатца «Ян Вацлав Махайский: радикальный критик русской интеллигенции и социализма» (Schatz, 1989). В этой работе речь идет прежде всего об истории рецепции и критики мыслителя в СССР, но здесь мы находим также важные для нас указания на сходство теории Махайского и концепций «нового класса» Бруно Рицци, Джеймса Бернхема, Милована Джиласа. Шатц, однако, не прослеживает историю рецепции этой теории на Западе, в частности в работах Д. Белла и А. Гулднера. В работе Ивана Селеньи и Лоуренса Питера Кинга «Теории нового класса: интеллектуалы и власть» (King, Szelényi, 2004) также делается попытка поместить теорию Махайского в контекст современных социальных концепций. Так, в ней отмечается, что Махайский заложил основы теории культурного капитала. Однако основной предмет исследовательского интереса Селеньи и Кинга — это эволюция теоретических проектов «нового класса» интеллектуалов, а не история трансфера и рецепции теории Махайского.

Подробные сведения о биографии Махайского и истории политических кружков его последователей представил В. В. Кривенький (Кривенький, 1996б: 350; Кривенький, 2018: 106–116). На русском языке наиболее обширным исследованием теории интеллигенции Махайского, а также концепций других анархистов начала XX века, выступавших с критикой интеллигенции, является диссертация Д. И. Рублева «Проблема „интеллигенция и революция“ в российской анархистской публицистике конца XIX — начала XX века» (Рублев, 2007), впоследствии изданная в виде отдельной книги (Рублев, 2020). Хронологические рамки исследования Рублева, впрочем, ограничены периодом 1890-х — 1917 годом, он не фокусируется ни на истории рецепции теории Махайского в советский период, ни на ее трансфере в западный социально-теоретический контекст.

Таким образом, в существующей на сегодняшний день литературе нет исследований, рассматривающих теорию Махайского в совокупности трех аспектов, в которых предлагается остановиться в нашей статье, а именно: 1) в российском и советском контексте ее рецепции; 2) с точки зрения трансфера и рецепции этой теории в западной литературе; 3) в систематическом сравнении с содержательно близкими современными социальными теориями. В качестве введения к этому исследованию мы предположим краткую биографию Махайского, в которой дается

экспликация основных положений его теории интеллигенции, а также история ее рецепции в среде социал-демократов и большевиков в дореволюционный период.

Ян Вацлав Махайский и его теория интеллигенции

Ян Вацлав Константинович Махайский (1866–1926) родился в Польше в городе Пиньчув (Келецкая губерния) в семье мелкого чиновника. После окончания гимназии он поступил в Варшавский университет на медицинский факультет (однако ушел с последнего курса по собственному желанию). Во время обучения в университете Махайский заинтересовался польским национализмом и социализмом, в 1891 году был арестован австрийской полицией в пограничной деревне Зельков с «грузом нелегальной польской патриотической газеты «Побудка» и прокламациями, призывавшими к празднованию 1 Мая» (Кривенький, 1996б: 350). Махайский провел восемь дней (по другим сведениям, четыре месяца) в краковской тюрьме, после освобождения эмигрировал в Цюрих и начал публиковаться в польских эмигрантских изданиях. В июне 1892 года он был задержан российской полицией около пограничной станции Вержболово с нелегальной литературой. Было установлено, что Махайский был одним из лидеров Цюрихской группы польского революционного «Соединенного общества польской молодежи». Махайский отбывал тюремное наказание в Варшавской цитадели и в «Крестах» полтора года, в мае 1895 года был выслан на пять лет в Вилюйск (Якутская область).

В Вилюйске Махайский встретил «социал-демократов и народников, между которыми велась дискуссия о „русском пути к социализму“... Махайскому повезло: у одного из его товарищей по ссылке оказалась богатая библиотека социалистической литературы на нескольких языках» (Скирда, 2003: 9). Первые выпуски «Умственного рабочего» были напечатаны с помощью гектографа и мимеографа в Сибири⁷ и рассылались ссылкой-революционерам в 1898–1899 годах (Кривенький, 1996б: 350). До настоящего момента эти гектографированные копии так и не обнаружены (Задорожнюк, Кривенький, 1994: 296).

В ссылке Махайский познакомился с Троцким и Сталиным, что повлияло на рецепцию идей Махайского и в дореволюционной России, и в СССР. Троцкий в своих мемуарах «Ленин и старая „Искра“: материалы для биографа», изданных в 1924 году, вспоминает о своей первой встрече с Лениным в Лондоне осенью 1902 года, куда Троцкий бежал из своей ссылки в Иркутске. Одной из тем для первой беседы Троцкого и Ленина было влияние Махайского на ссылкой-революционеров: «Заговорили о махаевщине, о том, какое она произвела впечатление на ссылку, многие ли поддались» (Троцкий, 1924: 8). Троцкий рассказал, что «первая гектографированная тетрадь Махайского... произвела на большинство из нас сильное впечатление», однако «полученная нами позже третья тетрадь, с положительной

---

7. «Эволюция социал-демократии» выпускалась уже два раза в России, но в ограниченном количестве экземпляров и несовершенном техническом исполнении (на нелегальном гектографе и мимеографе)» (Вольский, 1968, I: 41).

программой... произвела впечатление полной несостоятельности» (Там же: 9). Тем не менее в декабре 1902 — январе 1903 года Ленин включил вопрос о «махаевцах» в «список вопросов, по которым желателен ответ в докладах комитетов и групп нашей партии на II съезде ее» (Ленин, 1972: 72), в раздел «Состояние не социал-демократических революционных и оппозиционных течений и отношение к ним»: «Остальные группы и направления. „Свобода“, „Рабочая партия политического освобождения России“, махаевцы, чернознаменцы и т. д. Характеристика воззрений, отношение к с.-д., данные об их связях и работе» (Там же: 82).

К маю 1900 года Махайский отбыл пятилетнюю ссылку, однако снова арестован в Иркутске с нелегальной литературой. После освобождения в апреле 1902 года он организовал в Иркутске кружок рабочих-булочников (около 10 человек), в котором пропагандировал свои идеи, выпустил воззвание «Майская стачка» (Кривенький, 1996б: 350). Однако попытка организации забастовки закончилась неудачей, более того, рабочие-булочники выдали Махайского полиции, и 26 марта 1903 года он был приговорен к ссылке на шесть лет (Кривенький, 2018: 106). В июне он бежал из Александровской пересыльной тюрьмы и выехал в Женеву. После событий Первой Русской революции, в начале 1906 года Махайский ненадолго вернулся в Санкт-Петербург, однако вскоре отбыл обратно в Женеву. В период между 1903 и 1906 годами в Женеве и Санкт-Петербурге были напечатаны его главные работы⁸ под псевдонимом Андрей Вольский⁹.

С 1911 по 1917 год Махайский вместе с женой В. Д. Гурари-Бучульской жил в Париже, занимаясь преподаванием и переводами. После Февральской революции он вернулся в Россию, в июне-июле 1918 года в Москве выпустил единственный номер журнала «Рабочая революция» (Вольский, 1968, III: 353–415), в котором «изложил отношение к событиям Октября 1917-го и диктатуре пролетариата, проблеме экспроприации буржуазии» (Кривенький, 1996б: 350). После этого Махайский больше не принимал активного участия в политических событиях, работал техническим

---

8. В Женеве сначала была напечатана брошюра «Умственный Рабочий. Часть III» в двух выпусках (Вольский, 1904; Махайский объяснил решение печатать сразу третью часть брошюры тем, что первые две части «Умственного Рабочего» были изданы «в 1901 году в России, в очень ограниченном, впрочем, количестве экземпляров» (Вольский, 1968, III: 251). Выпуски «Эволюция социал-демократии» и «Научный социализм» увидели свет в Женеве в 1905 году (Вольский, 1905а, 1905б). Брошюра «Социалистическая наука как новая религия» была издана там же в мае 1905 года (Вольский, 1905в), в приложении к ней было опубликовано воззвание «Майская стачка» от апреля 1902 года. Две первые части «Умственного Рабочего» («Эволюция социал-демократии» и «Научный социализм») легально изданы в Санкт-Петербурге (что можно считать следствием послаблений цензуры в ходе Революции 1905 года) в издательстве В. И. Яковенко в 1906 году (Вольский, 1906б, 1906в). В 1906 году без авторства появилась брошюра «Буржуазная революция и рабочее дело». Согласно выводам Кривенького, ее автором был Махайский (Вольский, 1906а; Кривенький, 1996б: 350).

9. В каталоге Российской государственной библиотеки Махайскому атрибутируется книга «История мексиканских революций» 1928 года. Ее автором указан Андрей Вольский, однако, по нашему мнению, речь идет не о Махайском, поскольку предисловие в ней датируется октябрём 1927 года (Махайский умер в 1926 году). Кроме того, книга посвящена «Михаилу Николаевичу Покровскому, моему любимому учителю истории», о котором в очерках о жизни Махайского ни разу не было упомянуто (Вольский, 1928).

редактором и сотрудничал с журналом «Народное хозяйство». Ян Вацлав Махайский умер в 1926 году от инфаркта.

Основной мишенью критики Махайского было марксистское определение интеллигенции как неклассового элемента классового слоя — в теории Маркса интеллигенция не является самостоятельным классом, поскольку не владеет материально-техническими средствами производства и не занимает по отношению к ним структурно-определенного положения. Махайский же характеризует интеллигенцию именно как особый и при этом быстро растущий класс (Махайский, 1968, I: 141). Основанием для этого является наличие в ее распоряжении особых — нематериальных — средств производства. Речь идет о знаниях, получаемых классом интеллигенции в ходе воспитания и обучения, причем эти знания составляют также часть прибавочной стоимости производимого товара. Представители буржуазии, из которых преимущественно вербуются класс интеллигенции, ограничивают доступ к этим знаниям: как и материальные формы собственности, знание передается фактически по наследству, и пролетариат лишен доступа к этой общечеловеческой ценности. Осуществляя монополизацию знания, «армия умственных рабочих» получает более высокую прибыль за свой труд, чем рабочие, занятые физическим трудом. Марксистская идея коммунистического устройства общества, согласно Махайскому, неверна, поскольку предполагает обобществление не всей частной собственности, а только материально-технических средств производства. В результате нематериальные средства производства (знания) останутся в собственности образованного класса интеллигенции, что приведет к распределению этой доли прибавочной стоимости только между «умственными работниками».

В памфлете «Майская стачка» (1902 год) Махайский призывает бастующих рабочих не прислушиваться к интеллигенции, представители которой только и ждут, когда рабочие выстроят «для нее тот рай, которым давно пользуется образованное общество Западной Европы» (Там же: 155). Выбранные рабочими социал-демократические представители станут «новыми господами», поскольку и при самодержавии, и при демократии представителями власти становятся интеллигенты, «которые умение управлять передают только своему потомству» (Там же). Даже если члены социал-демократических партий борются за улучшение трудовых условий рабочих, их главная цель — вовлечение рабочих в политическую борьбу для реализации своих собственных задач.

Махайский полагал, что основная задача марксизма — скрыть классовый интерес образованной социальной группы в капиталистическом государстве. Народники отказались от идеи пролетарской революции, предпочтя ей утопию «первобытного коммунистического владения землею» (Там же: 226), тогда как русские социал-демократы требуют поэтапного движения к пролетарской революции, для чего необходимо предварительное осуществление буржуазной революции, в ходе которой, согласно Махайскому, образованный класс достигнет своего господства. По его мнению, современные революционеры заняты «выработкой надежных предохранительных клапанов, оберегающих цивилизованный мир от повторения

грозного восстания рабов» (Там же: 263), убеждая массы в необходимости «терпеливого ожидания». Перед своим освобождением пролетариат, по замыслу русских социал-демократов, «должен освободить другие непролетарские классы» (Там же: 265).

Положительная программа Махайского, на слабость которой обратил внимание Троцкий, заключалась в организации всемирных рабочих заговоров, целью которых является изменение законодательства посредством забастовок: «Вопреки формулам социализма истекшего столетия, вопреки формулам и социал-демократическим, и анархистским, рабочему классу предстоит новая эпоха борьбы, эпоха всемирных рабочих заговоров, диктующих посредством всемирных рабочих стачек законы государственной власти» (Там же: 45). Каким образом можно претворить в жизнь такой всемирный тайный заговор, Махайский не уточняет. Впрочем, это даже в какой-то мере логично: какой же это заговор, если он публично описан?

Поскольку теория Махайского носит полемический характер и направлена против сторонников марксизма, то, говоря об интеллигенции, Махайский в первую очередь имеет в виду партийных активистов. Тем не менее эта теория относится к интеллигенции всех, кто занимается умственным трудом, — чиновников, офицеров, художников, ученых и т. д. Хотя численность образованного класса растет с развитием капитализма, интеллигенция вступает во враждебные отношения с буржуазией (последняя не позволяет образованному классу занять наиболее привилегированное положение в обществе). В связи с этим интеллигенты стремятся войти в социал-демократическую партию, обещающую образованному классу улучшение своего положения в ходе последующей пролетарской революции и построения коммунистической экономики, основанной на обобществлении средств производства.

Одним из самых известных последователей Я. В. Махайского был Евгений Лозинский (Е. Устинов), член партии социалистов-революционеров. По сведениям Кривенького, Лозинский познакомился с Махайским в 1906 году в Женеве, «воспринял его идеи, вышел из группы „агр[арных] террористов“, организовал группу махаевцев» (Кривенький, 1996а: 320). В 1907 году в Санкт-Петербурге Лозинский издавал журнал «Против течения», в этом же году в Санкт-Петербурге была издана его книга «Что же такое, наконец, интеллигенция?» (Лозинский, 1907), в которой мыслитель развивал положения Махайского об интеллигенции как отдельном классе. Книгу Лозинского читал и высоко ценил Л. Н. Толстой¹⁰: «Я и прежде читал вашу книгу: „Что же такое, наконец, интеллигенция“. Теперь же внимательно прочел эту книгу, так же как и „Итоги парламентаризма“ и присланные №№ газеты. Вполне разделяю ваши мысли как о значении деятельности интеллигенции, так и о парламентах... Повторяю вам свою благодарность за присылку и содержание ваших прекрасных книг» (Лозинский, 1911: 5–6).

10. Любопытно, что Толстой через два года (весной 1909) написал критическую статью в ответ на знаменитый сборник «Вехи», посвященный теме русской интеллигенции. Подробнее см.: Толстой, 1936: 285–290.

О популярности идей Махайского в начале XX века свидетельствует то обстоятельство, что главный историк русской интеллигенции того времени Р. Иванов-Разумник посвятил им отдельную работу: в 1908 году он выпускает книгу «Что такое „махаевщина“?» (Иванов-Разумник, 1908), название которой является прямой отсылкой к книге Лозинского. В ней он выявляет марксистские основания теории Махайского: использование понятий «класс» и «умственные работники» для характеристики феномена интеллигенции, а также представление об истории общества как о борьбе экономических интересов различных классов. Позиция Иванова-Разумника в этой работе интересна также тем, что он выступает здесь с критикой идеи, согласно которой разделение труда, характерное для капиталистической экономики, есть препятствие для прогресса человечества (именно это характерно не только для Маркса и Махайского, но и для народников, в частности, для Н. К. Михайловского)¹¹.

Представление о том, что после революции разделение между работниками умственного и физического труда исчезнет, было характерно и для М. А. Бакунина, по замыслу которого физический труд будет обязателен для всех, а научная деятельность доступна каждому, независимо от его социального положения (Бакунин, 1989а: 436). Кроме того, Бакунин, как и впоследствии Махайский, критиковал Маркса и его сторонников за то, что их «мнимое народное государство» на самом деле будет находиться под управлением государственных инженеров (марксистов), нового привилегированного научно-политического сословия (Там же: 486) Основоположник русского анархизма указывал на уровень образования как важную привилегию буржуазии (наряду с землей и капиталом) и на ограничение доступа к науке высшими классами в ущерб низшим (Бакунин, 1989б: 23). Таким образом, Бакунин в отдельных критических замечаниях высказывал идеи, лежащие в основе теории интеллигенции Махайского, — об образовании как привилегии буржуазии и о социалистических партийных революционерах как о потенциальном новом господствующем классе. Хотя заметки Бакунина можно признать основанием для развития критики интеллигенции Махайского, именно Махайский представил проблему «нового класса» интеллигенции и образования как вида капитала в развернутом и систематическом виде.

---

11. Хотя Маркс, в отличие от Махайского, полагал, что квалифицированный труд должен оплачиваться выше неквалифицированного (Маркс, 1960: 182–183), поскольку является трудом более высокого качества, в коммунистическом обществе разделение труда, согласно классикам марксизма, будет упразднено — вслед за ликвидацией феномена отчуждения: «никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра — другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике» (Маркс, 1955: 31–32).

Рецепция теории Махайского в публичном советском дискурсе

В первой половине 1920-х годов дискуссии о роли интеллигенции в новом государственном и общественном строе проходили бурно и открыто, в них участвовали ключевые большевистские идеологи, а пик этих дискуссий пришелся на 1924–1925 годы. Опасения, связанные с тем, что в советском обществе «умственные работники» могут превратиться в новый класс, обладающий особыми привилегиями по сравнению с рабочими и крестьянами, высказывал в своем докладе сам нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский (Судьбы русской интеллигенции, 1991: 27). Сменовеховец Ю. Н. Потехин подчеркивал интеллигентскую природу советской власти; такую точку зрения после Октябрьской революции высказывал также А. А. Богданов (Там же: 17; Кустарев, 2009: 56). Как отмечает А. Кустарев, дискуссия об интеллигенции как новом классе оказалась в конечном счете политически опасной (поскольку партийное руководство позиционировало себя как «партию рабочих и крестьян», но никак не интеллигентов) и вскоре была прекращена (Там же: 59). В этом общем контексте критику теории Махайского, появившуюся сразу после смерти мыслителя в советской печати, можно считать вполне ожидаемой и предсказуемой. Впрочем, первый некролог 1926 года в газете «Известия», написанный его товарищем по ссылке в Виллюйске А. Шетлихом, был нейтрален и ограничивался краткой биографией умершего (Шетлих, 1926: 4). Однако уже в заметке Н. Батурина «Памяти „махаевщины“!», последовавшей за этим в газете «Правда», «махаевцы» обвинялись в «травле социалистической интеллигенции» (Батурин, 1926: 12) и попытке привить «свои мелкобуржуазные анархические теории пролетариату крупной промышленности, опираясь, конечно, на самые отсталые, еще полукрестьянские его слои» (Там же).

Ряд исследователей считает, что теория Махайского сохраняла позитивную актуальность и во второй половине 1920-х годов. Так, И. Е. Задорожнюк и В. В. Кривенький полагают, что в 1928 году одновременно с артикуляцией потребности в создании новой интеллигенции «махаевизм» фигурировал в обосновании отвержения старой интеллигенции. При этом они ссылаются на то, что в этом году были опубликованы фрагменты основной работы Махайского «Умственный рабочий», а журнал «Каторга и ссылка» печатал мемуары его приверженцев (Задорожнюк, Кривенький, 1994: 294). Однако следует обратить внимание, что отрывки из «Умственного рабочего» появились в 1928 году в хрестоматии «Наши противники: сборник материалов и документов» (Андерсон, 1928а: 143–160). Составители хрестоматии видели свою цель в предоставлении учащимся материалов, «отражающих различные политические течения, с которыми приходилось бороться большевизму на путях его исторического развития» (Андерсон, 1928б: 3). Публикацию отрывков из «Умственного рабочего» в такого рода сборнике вряд ли можно считать признаком интереса к аргументам Махайского против интеллигенции¹².

12. Помимо сочинений Махайского в хрестоматии были напечатаны сочинения представителей легального марксизма (Струве), меньшевизма (Аксельрод, Люксембург, Мартов), социалистов-рево-

Критика теории Махайского, напротив, шла в это время вполне последовательно. В 1929–1930 годах Леонид Наумович Сыркин в двух номерах журнала «Красная летопись» обрушился на учение Махайского (Сыркин, 1929: 182–212; 1930: 117–145), в 1931 году появилась на свет книга «Махаевщина» (Сыркин, 1931). К 1934 году термин «махаевщина» продолжает присутствовать в публичном пространстве в негативных и карикатурных контекстах, в частности, в сатирическом рассказе И. Ильфа и Е. Петрова «Разговоры за чайным столом», опубликованном в газете «Правда» (Ильф, Петров, 1938: 4).

Если во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х годов потребность в воспитании новой социалистической интеллигенции действительно широко озвучивалась партийным руководством СССР¹³, то в конце 1930-х происходит резкий дискурсивный разворот. В 1939 году на XVIII съезде ВКП(б) Сталин объявляет задачу воспитания социалистической интеллигенции выполненной в результате осуществленной культурной революции¹⁴, что влечет за собой и осуждение взглядов, враждебных к советской интеллигенции и несовместимых с позицией партии. «Они, — разъясняет он далее, — продолжают дудеть в старую дудку, неправильно перенося на советскую интеллигенцию те взгляды и отношения, которые имели свое основание в старое время, когда интеллигенция находилась на службе у помещиков и капиталистов» (XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б), 1939: 36). Именно с таким новым взглядом на интеллигенцию связана, судя по всему, критика Махайского Сталиным на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 10 октября 1938 года. Выступление Сталина было посвящено необходимости пропаганды большевизма в среде всего состава государственного аппарата (на низшем, среднем и высшем уровнях). Сталин назвал служащих людей, управленцев интеллигенцией и упомянул своего знакомого по ссылке¹⁵, ругавшего партийную интеллигенцию: «Махайский — это был один социал-демократ, я с ним в ссылке встречался, который набил руку на том, что ругательски ругал партийную интеллигенцию <...> Махайский был членом партии, но на деле он был, конечно, анархистом. Вот это и называется в истории партии махаевщиной, эта ненависть к партийной интеллигенции. Конечно, Махайский был дурак, круглый идиот,

---

люционеров (Григорович), то есть максимально разнообразный спектр оппозиционных большевизму течений.

13. Например, на XV съезде ВКП(б) в 1928 году Сталин объявил о необходимости «укреплять смычку рабочего класса с трудовой советской интеллигенцией города и деревни» (XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б), 1928: 64).

14. О периодизации советской культурной политики см.: Куренпоу, 2021: 163–176; Куренной, 2013: 12–34.

15. Мы допускаем, что Сталин и Махайский могли познакомиться в Иркутской губернии в период между ноябрем 1903 — январем 1904-го, когда Сталин находился в ссылке в селе Новая Уда, Балаганский уезд Иркутской губернии (27 ноября 1903 года он прибыл на место ссылки, 5 января 1904 года бежал из ссылки на Кавказ; Александров и др., 1947: 540). Махайский, по сведениям Кривенького, «10.06.1903 бежал из Александровской пересыльной тюрьмы (ок. Иркутска) и выехал в Женеву» (Кривенький, 1996б: 350), однако дата его прибытия в Женеву неизвестна (первая брошюра, выпущенная им в Женеве, относится к 1904 году). Возможно, в конце 1903 года Махайский все еще находился в Восточной Сибири, где мог познакомиться со Сталиным.

потому что он не понимал, что надо не только ценить свою интеллигенцию, но весь рабочий класс, все крестьянство сделать интеллигенцией. <...> Те, которые презрительно относятся к нашей интеллигенции, есть жалкие, несчастные люди, махаевцы, ничего общего с марксизмом не имеющие» (Сталин, 2006: 165). Вскоре после заседания, по итогам которого было опубликовано постановление ЦК партии (О постановке, 1938: 1; Вооружить, 1938: 1), в газете «Правда» в разделе «Ответы на вопросы читателей» появилась большая статья «Что такое „махаевщина“?», в которой движение учеников Махайского характеризовалось как «анархистское злопыхательство» (Что такое «махаевщина»? 1938: 2).

Выражение «махаевские настроения» употребляется также вне прямой связи с теорией Махайского, превращаясь в конце 1930-х в своего рода нарицательный эпитет. Так, в ходе совещания о генетике и селекции, организованного журналом «Под знаменем марксизма» и проходившего 7–14 октября 1939 года, главный редактор журнала академик М. Б. Митин в заключительной речи выразил поддержку Т. Д. Лысенко и его сторонникам и заявил, что в области «формальной генетики» (главным представителем которой в СССР был Н. И. Вавилов) «при всех этих важных достижениях генетической науки... мы видим такие метафизические пустоцветы, которые являются настоящими препонами для дальнейшего развития науки» (Митин, 1939: 165). Тем не менее, отмечает Митин, со стороны представителей «мичуринско-лысенковского направления» «мы имели проявление своего рода махаевских настроений» (Там же). По контексту выступления смысл этого высказывания состоит в том, что среди представителей упомянутого направления была распространена необоснованная критика в отношении сторонников «формальной генетики». «Мы будем, — заключает он, — бороться против всякого рода даже самых ничтожных проявлений махаевского отношения к кадрам нашей советской интеллигенции» (Там же: 175). Н. И. Вавилов в личном письме Митину, протестуя против поддержки Т. Д. Лысенко советской властью, повторил ему его собственный тезис: «Ваша формула, боюсь (рад буду, если ошибусь), даст возможность продолжать махаевщину, которая заволакивает наш участок» (Вавилов, 1990: 113). Стоит отметить, что в ходе печально известной Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, когда генетика была окончательно разгромлена Лысенко и его сторонниками, термин «махаевщина» уже не употреблялся¹⁶.

Завершая обзор истории рецепции и критики теории Махайского в советский период, обратимся также к основным энциклопедическим источникам. В первое издание Большой советской энциклопедии включена статья «махаевщина», которая с изменениями воспроизведена также во втором и третьем издании БСЭ. Статьи, посвященной собственно Махайскому, нет ни в этом, ни в последующих изданиях. В первом издании БСЭ «махаевщина» определяется как «мелкобуржуазное, реакционное, близкое к анархо-синдикализму течение» (Махаевщина, 1938: 494). Но если в нем отмечалось, что у Махайского были последователи («отдель-

---

16. О положении в биологической науке см.: Стенографический отчет, 1948.

ные группы махаевщины имелись в Одессе, Варшаве и Петербурге» (Там же), то во втором издании авторы последователей Махайского уже не упоминали — указывается лишь, что «проявлением М. [махаевщины. — М. Ч.] явилось пренебрежительное отношение к советской интеллигенции со стороны отдельных лиц» (Махаевщина, 1954: 544), однако «большевики всегда вели борьбу против М. [махаевщины. — М. Ч.] и разгромили ее в период борьбы за диктатуру пролетариата» (Там же).

Концепция Махайского в контексте современных социальных теорий

Идеи Махайского получили широкое распространение за пределами СССР, где они подверглись полному разгрому, а затем преданы забвению к концу 1930-х годов. Англоязычные социологи, политологи, философы ознакомились с основными положениями его теории благодаря ученику мыслителя Максу Номаду. Номад, родившийся в богатой еврейской семье в Галиции (в то время части Австрийской империи), познакомился с Махайским в Кракове в 1908 году. В 1913 году он вместе со своим братом эмигрировал в США, где преподавал в Нью-Йоркском университете, а с 1937 года получал стипендию Гуггенхайма. Номад изложил основные положения теории Махайского в своих книгах «Апостолы революции» и «Бунтовщики и изменники» (Nomad, 1932, 1961). Он критически относился к идеям своего учителя: по его мнению, в утопическом проекте «всемирного рабочего заговора» Махайский скрывал собственный властный интерес и в этом отношении не отличался от критикуемых им марксистов. В то же время Номад считал, что прогноз Махайского оказался верным, и интеллигенция в России стала новым правящим классом: «Рабочие были попросту обременены новым классом эксплуататоров и надсмотрщиков: управленческим аппаратом коллективистского государства. Такой результат был предсказан еще в 1898 году польским революционным критиком Махайским...» (Nomad, 1961: 101). Номад также полагал, что источником вдохновения для теории перманентной антикапиталистической революции Троцкого стали именно идеи Махайского, хотя сам Троцкий никогда этого не признавал (Nomad, 1932: 239). Именно Макс Номад перевел на английский язык ряд отрывков из произведений Махайского, которые были включены в антологию «Формирование общества: очерк социологии» (Calverton, 1937: 427–436). Лишь спустя более чем 40 лет после этого Александр Скирда перевел на французский язык некоторые главы памфлета Махайского «Умственный рабочий» и его статьи из журнала «Рабочая революция» (Machajski, 1979). Благодаря идейному посредничеству Номада идеи Махайского проникли в западную социальную и политическую теорию. Рассмотрим основные траектории их рецепции.

Как отмечал Дэниел Белл, «идеи Махайского, через Номада, эксплицитно повлияли на произведения Гарольда Лассуэлла, ведущего американского политолога. В ряде своих книг Лассуэлл развивал теорию о том, что революции двадцатого века возглавлялись интеллектуалами, которые, используя мифы и символы соци-

ализма, попытались сами прийти к власти» (Bell, 1988: 473). По мнению Лассуэлла, «капитал» интеллектуала — это его знания, и он вступает в конкуренцию с землевладельцами, бизнесменами и работниками физического труда за безопасность, доход и уважение в обществе. Отсутствие общего хорошо опознаваемого символа и борьба интеллектуалов между собой камуфлируют эту цель (Lasswell, 1935: 112).

Иван Селеньи и Билл Мартин ссылаются на Махайского в своем историческом анализе теорий «нового класса»¹⁷, они выделяют три волны их появления (Szelenyi, Martin, 1988: 651). Остановимся подробнее на этой классификации, включающей концепцию Махайского в широкую перспективу истории идей. Теории «нового класса» первой волны (конец XIX — начало XX века) принадлежат авторству анархистов Бакунина и Махайского. С конца 1930-х годов возникает группа теорий (технократические и бюрократические классовые теории), которые Селеньи и Мартин относят ко второй волне. Хотя некоторые социологи (например, Торстейн Веблен и Адольф Берли) применяли подобный анализ исключительно к западным обществам, большинство теоретиков второй волны (Тони Клифф, Бруно Рицци, Джеймс Бернхем) испытали влияние Льва Троцкого и его критики режима СССР периода сталинизма. Сам Троцкий, впрочем, отрицал классовую природу бюрократии, поскольку она не обладала средствами производства¹⁸.

Третья волна теорий «нового класса», по мнению Селеньи и Мартина, возникла в 1970-е годы, и их ключевой характеристикой становится новое осмысление роли знания в современном обществе. Тезисы ряда теоретиков этой группы концепций часто весьма близки идеям и оценкам Махайского. Так, неоконсерваторы (Гельмут Шельски, Дэниел Белл, Патрик Мойнихэн) стали разрабатывать собственные теории «нового класса» в форме критики интеллектуалов. Алвин Гоулднер в книге «Будущее интеллектуалов и подъем нового класса» определил потенциальный «новый класс» как «элитистский и своекорыстный, использующий специальное

---

17. Термин «новый класс» («new class») появляется после выхода в США книги Джеймса Бернхема «Менеджеральная революция» в 1941 году, в которой выдвигается гипотеза о том, что в США (после внедрения политики «нового курса»), в нацистской Германии и в СССР к власти пришел «новый класс» менеджеров, которыми движет «жажда доминирования в обществе, власти и привилегий» (Burnham, 1941: 71). В 1957 году термин стал популярным после выхода на английском языке книги «Новый класс» Милована Джиласа, югославского политического деятеля и бывшего соратника Иосипа Броза Тито (Джилас, 1961). Под «новым классом» Джилас понимал партийную номенклатуру, правившую в социалистических странах. Как отмечает Фр. Прайор, в вариациях теорий «нового класса» присутствует больше различий, чем сходств. В первую очередь по-разному понимается понятие «класс». Проблематичным является вопрос о критериях вступления в ряды «нового класса» — все теоретики «нового класса» включали в него профессоров, журналистов, социальных критиков, деятелей культуры. Однако далеко не все относили к представителям «нового класса» менеджеров, администраторов среднего звена, ученых или технологов (Pruog, 1981: 372).

18. Ср.: «Попытка представить советскую бюрократию как класс „государственных капиталистов“ заведомо не выдерживает критики. У бюрократии нет ни акций, ни облигаций. Она вербует, пополняется, обновляется в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности. Своих прав на эксплуатацию государственного аппарата отдельный чиновник не может передать по наследству. Бюрократия пользуется привилегиями в порядке злоупотребления» (Троцкий, 2014: 170–171).

знание для продвижения своих интересов и власти, и контроля своей рабочей ситуации» (Gouldner, 1979: 7). Тем не менее, считает Гоулднер, выдвижение именно этого класса на передовые позиции стало, возможно, позитивным изменением в современных обществах. Несмотря на то что «новый класс» внутренне дифференцирован (с ростом грамотности и числа людей, получивших высшее образование, это неизбежно), представителей «нового класса» объединяет обладание культурным капиталом и «культура осторожного и критического дискурса» (Ibid.: 27). Под последним Гоулднер подразумевает обращение не к устоявшимся общественным авторитетам и социальному положению говорящего, а использование безличной рациональной аргументации.

Иван Селеньи и Конрад Дьёрдь в 1979 году выпустили книгу «Интеллектуалы на пути к классовой власти» (Konrad, Szelenyi, 1979). По их мнению, в капиталистических странах интеллектуалы были только социальной прослойкой, а не классом, однако в социалистических режимах они превратились в правящий класс с контролем над распределением общественного богатства. Если в сталинскую эпоху власть осуществляла партийная элита, то в период оттепели доминирующей силой стал альянс между бюрократией и технократией, который, в свою очередь, оказывал поддержку также «гуманистической интеллигенции». Ведущую роль в нем играют технократы, использующие научные методы для планирования экономики, «гуманистическая» интеллигенция находится на вторых ролях. В советском обществе наиболее глубоким является противоречие между интеллектуальным и рабочим классом: «интеллектуалы вольны спорить о том, насколько они могут быть подчинены друг другу, но классовое сознание интеллектуалов не позволяет им вообразить обстоятельства, в которых интеллектуалы подчинены неинтеллектуалам» (Konrad, Szelenyi, 1979: 202).

Упоминание теории Махайского в контексте «нового класса» появляется в книге Дэниела Белла «Конец идеологии. Истощение политических идей в 50-е годы». Эксплицировав основные положения теории Махайского, Белл называет мыслителя «пророком» (prophet): «Таким было его последнее слово, и на заре Октября это предупреждение было оставлено без внимания. <...> Он уходит в 1926 году, за год до того, как Троцкий проиграл Сталину в борьбе по причине, о которой Махайский предупреждал и которую Троцкий проигнорировал 27 лет назад, — возвышения класса бюрократии» (Bell, 1988: 357). Замечание Белла в примечании: «Имя Махайского было практически неизвестно в Советском Союзе, и краткая справка о его жизни и идеях может быть найдена в Большой советской энциклопедии...» (Ibid.: 473)¹⁹ показывает, что критика Сталиным «махаевщины» в 1938 году была неизвестна американским социологам, и знакомство с идеями Махайского происходило опосредованно, прежде всего через Макса Номادا. Учитывая высокую оценку, которую Белл дал идеям Махайского, можно утверждать, что они оказали непосредственное влияние на разработку его собственной теории постиндустри-

19. Имеется в виду энциклопедическая статья «Махаевщина», в которой приводилась краткая справка о жизни Махайского.

ального общества. Главным ресурсом такого типа общества, считает Белл, являются его научные кадры, а образование становится средством достижения власти. Вместе с тем, хотя в развитых странах класс интеллектуальных работников становится доминирующим как по своей численности, так и по уровням дохода, Белл считал, что в структуре класса профессионалов «отсутствует потенциал для формирования нового класса как на основе корпоративных характеристик нового экономического класса, так и нового политического класса, претендующего на власть» (Белл, 2004: 501). Социальные группы, образующие класс профессионалов (в науке, технологиях, административном управлении и культуре) не имеют общих интересов и способны расходиться идеологически и объединяться с элитами других социальных групп. В статье «Новый класс: расплывчатый концепт» Белл подчеркивает, что «новый класс» — это следствие структурной трансформации капитализма, но сам он не является ни причиной этой трансформации, ни полноценным политическим агентом (Bell, 1979: 23).

Алвин Гулднер в статье «Пролог к теории революционных интеллектуалов» также указывает на «пророческую силу» теории Махайского. Но при этом обращает внимание на следующие ее недостатки: 1) недооценка Махайским способности интеллигенции к радикализации и воинственности; 2) переоценка политической автономии интеллектуалов — интеллектуалы не просто используют другие классы, но сами в них нуждаются — «для того, чтобы выиграть и удержать в союзе другие классы, они должны быть открыты их историческим нуждам и возможностям» (Gouldner, 1975–1976: 31). Кроме этого, как далее отмечает Гулднер, Махайский вменяет интеллектуалам мелкобуржуазный интерес, выражающийся в стремлении к власти и материальным ресурсам, и недооценивает идеализм интеллектуалов²⁰. При этом сам Махайский в этом случае выступает как материалист, не рассматривающий «возможность того, что интеллектуалы наиболее опасны не тогда, когда они продажны, а тогда, когда они помешаны на чистоте. Он не предполагал, что худшие люди — это те, кто не удовольствуется чем-то меньшим, чем своими высочайшими идеалами» (Ibid.)²¹.

Помимо прямого влияния на некоторые теории «нового класса», которое мы здесь проследили, теория интеллигенции Махайского обладает определенным

---

20. Манхейм использовал схожие с Гулднером аргументы, когда критиковал марксистскую социологию применительно к анализу положения интеллектуала. По мнению Манхейма, мотивацию интеллектуала невозможно понять, исходя из его классовой принадлежности и экономических интересов: «Этот объединяющий их [интеллектуалов. — М. Ч.] интерес является альтернативным источником мотивации, в силу которой поведение индивида отклоняется от норм, предписываемых его классовой принадлежностью. Учитель, не принимающий вознаграждения за определенные услуги, тем самым в известном смысле отрывается от своего классового положения конторского служащего, рабочего в белом воротничке» (Манхейм, 2010: 127).

21. Идеализм интеллектуалов как их крайне опасная черта (в случае их успеха в завоевании или захвате власти) был предметом критики немецкого философа Одо Маркварда. Одержимость бескомпромиссными идеями, по мнению Маркварда, одна из ключевых черт политических деятелей тоталитарных режимов в XX веке, поскольку вела к оправданию нарушения норм традиционной морали ради высоких целей (Румянцева, 2016: 77–81).

структурным изоморфизмом по отношению к более позднему ряду теорий, авторы которых обращаются к социальной роли знания и образования и рассматривают их в качестве определенного вида капитала. Прежде всего мы имеем в виду концепцию общества знания (*knowledge society*), разработанную такими исследователями, как Питер Друкер, Фриц Махлуп, Роберт Лейн, Дэниел Белл. В 1959 году Питер Друкер (один из самых влиятельных теоретиков менеджмента в XX веке) высказал идею о том, что знание в современном мире является главным видом капитала, а высокообразованные люди — центральным ресурсом общества (Drucker, 1969: 259). Он также отмечал, что работа, связанная с производством знания, видения и концептов, превратилась в самый плодотворный вид деятельности даже в сфере товаров и услуг (Ibid.: 119–120), а класс работников знания — истинные капиталисты в современном обществе (Ibid.: 259).

Идея о наследовании интеллектуальной культуры в буржуазных семьях и о значимости знаний и образования как нематериальных средств производства, на которой в противоположность марксистам настаивал Махайский, в значительной степени воспроизведена у Пьера Бурдьё. Бурдьё различает три вида культурного капитала — инкорпорированный, объективированный и институционализированный. В своем основном виде культурный капитал представлен в инкорпорированном (воплощенном в телесные формы) состоянии. Инкорпорированный капитал не передается мгновенно, в отличие от денег или даже аристократических титулов, он приобретает индивидом неосознанно с самого его рождения как биологического существа. Передача инкорпорированного культурного капитала по наследству не может контролироваться или регулироваться внешними инстанциями, поэтому «обретает пропорционально больший вес в системе стратегий воспроизводства» (Бурдьё, 2002: 63). В основе присвоения культурного капитала в объективированном и институционализированном состоянии лежит обладание инкорпорированным культурным капиталом. В первом случае предпосылкой для «присвоения» предмета искусства, музыкального инструмента, письменного документа (объективированного культурного капитала) в соответствии с их особым предназначением является знание о средстве «потребления» этих предметов (которым индивид может либо обладать сам, либо приобрести услуги человека, владеющего необходимой формой инкорпорированного капитала), хотя юридическое право собственности на объект передается таким же образом, как и в случае с экономическим капиталом. В случае с институционализированным видом капитала (культурный капитал, объективированный в форме академических квалификаций) способность к усвоению знаний зависит не только от индивидуальных способностей учащегося, но и от его социального происхождения. В книге «Воспроизводство: элементы теории системы образования» Бурдьё анализирует массив данных, показывающий в какой мере социальное происхождение индивида оказывает влияние на его успехи в школе и университете. Социолог приходит к выводу, что учебные заведения используют идеологию природных «дарований» и врожденных вкусов для легитимации воспроизводства социальных иерархий

(Бурдьё, Пассрон, 2007: 218). Педагоги транслируют ученикам идею о том, что причины успехов одних по сравнению с другими кроются в высоких способностях первых, но умалчивают тот факт, что более успешные ученики владеют необходимым для обучения инкорпорированным культурным капиталом, полученным ими в семье²².

Хотя понятие «культурного капитала» в теории Бурдьё дифференцировано, но культурный капитал передается главным образом внутри семьи в инкорпорированном виде: способность к приобретению объективированного и институционализированного культурного капитала находится в зависимости именно от него. Махайский, как и Бурдьё, указывал на то, что культурный капитал передается внутри семьи и впоследствии выдается за способности отдельного индивида: «Величайшее богатство человечества — знания, наука — делается наследственной монополией привилегированного меньшинства. Только члены этого наследственного привилегированного меньшинства могут быть силой „высшего качества“; все же остальные миллионы владеют наследственной монополией рабского ручного труда. Только в среде наследственной буржуазной монополии могут рождаться таланты, мыслители, изобретатели» (Махайский, 1968, I: 150).

В теории Бурдьё интеллектуалы, обладающие культурным капиталом, не образуют отдельного класса, как и в классическом марксизме, они рассматриваются, скорее, как подчиненная фракция господствующего экономического класса. Однако здесь необходимо напомнить о том, что в поздний период Бурдьё развивал проект «интернационала интеллектуалов»²³. Это означает, что его теоретические взгляды допускали опцию коллективной мобилизации интеллектуалов, то есть в конечном счете позволяли трактовать их в качестве специфического класса.

Наконец, если мы обратимся к актуальному теоретическому ландшафту, то и в настоящее время можем обнаружить здесь актуальное присутствие теоретических идей Махайского, опосредованных теориями постиндустриального общества и общества знания, сформулированных во второй половине XX века. Так, Андреас Реквиц, предложивший для понимания современных социальных тенденций теорию «общества сингулярности»²⁴ (Reckwitz, 2017; Reckwitz, 2019), полагает, что мы наблюдаем процесс рождения новой классовой структуры. «Средний класс», сформировавшийся в период стабилизации массового индустриального общества, се-

22. Итальянский философ Антонио Грамши писал, что демократизация образования в учебных заведениях (когда вместе учатся дети интеллигентов и дети городских рабочих, либо крестьян) приводит к определенным сложностям: «Многие люди из народа думают, что в трудностях учения кроется «трюк» в ущерб им (если только они не думают, что глупы от природы): они видят, как какой-нибудь господин (а для многих, особенно в деревне, господин означает интеллигент) ловко и с видимой легкостью совершает работу, которая их детям стоит слез и крови, и считают, что здесь какой-то «трюк» (Грамши, 1991: 451). Однако философ видел причину разницы в успехах в учебе в том, что дети интеллигентов еще до прихода в школу овладевают таким навыком, как способность к концентрации, поэтому они легче преодолевают «процесс психофизического приспособления» (Там же).

23. См., например, лекцию 1991 года «Универсальный корпоратизм: роль интеллектуалов в современном мире» (Bourdieu, Sapiro, McHale, 1991: 655–669).

24. Анализ теории Реквица: Сувалко, 2021: 305–322; Куренной, 2020: 28–31.

годня распадается на новый высший и новый низший класс. Новый низший класс задействован в расширяющейся сфере низкоквалифицированных услуг. Для характеристики же нового высшего класса Реквиц использует, в частности, понятие «креативный класс»²⁵, отличительная особенность которого — высокий уровень образования. В некоторых случаях он прямо характеризуется как «академический класс» (Reckwitz, 2017: 130), т. е. как класс, получивший университетское образование. Реквиц, однако, существенно расширяет содержательное описание данного класса, анализируя прежде всего его образ жизни, стратегии потребления и социальной саморепрезентации. Тем не менее мы видим здесь воспроизводство основных положений теории интеллигенции Махайского: именно доступ к знанию и образованию формирует новую классовую группу, которая занимает определенное властное положение в современных обществах, образуя его «высший класс». Реквиц, впрочем, практически не прибегает к модусу разоблачения своеобразных властных интересов этого класса, характерному для многих прямых или косвенных последователей Махайского, полагая, видимо, вслед за Гоулднером, что господство такого класса имеет больше позитивных, чем негативных черт. Реквиц не останавливается развернуто на вопросе о замкнутости или открытости этого класса. Однако другие его рассуждения, связанные со свободным самоопределением в рамках выбора коллективной идентичности «неосообществ», свойственным именно современному обществу в отличие традиционного (Reckwitz, 2017: 399), позволяют предположить, что речь идет, скорее, о сравнительно открытом характере этого класса, который к тому же приобрел массовый характер благодаря расширению доступа к высшему образованию. Реквиц практически не использует для описания нового «академического класса» понятие «интеллигенция», однако употребляет по отношению к нему термин «массовая интеллигенция», цитируя работы Маурицио Лаццарато (Ibid.: 183).

Заключение

Проделанный в статье анализ теории интеллигенции Яна Вацлава Махайского позволяет нам сделать следующие выводы. Исторически она была сформулирована в российском контексте как критическая, направленная против социал-демократической и марксистской интеллигенции, выступавшей за революционное преобразование общественного строя. Махайский, в отличие от классической марксистской позиции, считал, что интеллигенция представляет собой самостоятельный класс, который образуется в силу владения определенной нематериальной ценностью — знанием. С точки зрения Махайского, пролетарская революция в конечном счете должна была привести к тому, что именно этот класс займет господствующие позиции в новом обществе. Эта теория была хорошо известна основным лидерам большевистской революции. Она начинает подвергаться все более острой

---

25. Понятие «креативный класс» было введено социологом Ричардом Флоридой (Флорида, 2005).

критике в СССР сразу после смерти Махайского в 1926 году — в период, когда в СССР начала сворачиваться общественная дискуссия, в которой природа новой установившейся власти определялась также в терминах господства интеллигенции. В конце 1930-х годов эта теория была подвергнута разгрому лично Сталиным, что привело к фактически полному исчезновению идей Махайского из советского интеллектуального пространства. Основным обвинением в адрес «махаевщины», ставшей к концу 1930-х нарицательным выражением, была критическая позиция последователей Махайского по отношению к властным амбициям интеллигенции, они обвинялись в стремлении «настроить отсталые, шкурнические элементы против советской интеллигенции», нежелании «культурно расти, учиться, двигаться вперед, к вершинам знания, вместо со всем советским народом» (Что такое «махаевщина»? 1938: 2).

Теория Махайского, однако, нашла свое применение в англоязычном научном пространстве благодаря работам и переводам Макса Номеда, лично знавшего Махайского и серьезно относившегося к его идеям. Влияние Махайского на западную социальную и политическую теорию можно проследить уже начиная с 1930-х годов, однако наиболее значительное прямое влияние его идеи оказали на построение ранней теории постиндустриального общества (Дэниел Белл хорошо знал и высоко их оценивал), а также — прямо или опосредованно — на широкий спектр теорий «нового класса» и «общества знания» второй половины XX века. В более поздних социально-теоретических концепциях мы не видим прямого обращения к концепции Махайского, однако, как было показано на примере теории культурного капитала Пьера Бурдьё и теории общества сингулярности Андреаса Реквица, ряд положений этой концепции с теми или иными модификациями продолжают сохранять актуальность. Таким образом, следует констатировать, что теория, возникшая в рамках российских дискуссий об интеллигенции, оказалась не только «пророческой» в отношении социально-политической природы советского строя, как считал ряд крупных западных социальных теоретиков (Д. Белл, А. Гоулднер), но и оказывала — сначала прямое, а затем все более опосредованное — влияние на формирование широкого спектра современных западных социальных теорий. В проведенном выше исследовании были исторически прослежены основные узловые пункты и направления этой теоретической рецепции идей Махайского.

Литература

- XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: ОГИЗ, 1928. С. 38–67.
- XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. 10–21 марта 1939 г. М.: ОГИЗ, 1939. С. 9–38.
- Александров Г. Ф. и др. (1947). Сталин // Большая советская энциклопедия. Т. 52 / Под ред. С. И. Вавилова и др. М.: ОГИЗ. С. 540.

- Андерсон Ф. и др. (сост.). (1928а). Махаевщина // Юдовский В. (ред.). Наши противники: сборник материалов и документов. Т. 1: Легальный марксизм, экономизм, махаевщина, меньшевики, социалисты-революционеры, либералы. М.: Изд-во Коммунист. ун-та им. Я. М. Свердлова. С. 143–160.
- Андерсон Ф. и др. (сост.). (1928б). От составителей // Юдовский В. (ред.). Наши противники: сборник материалов и документов. Т. 1: Легальный марксизм, экономизм, махаевщина, меньшевики, социалисты-революционеры, либералы. М.: Изд-во Коммунист. ун-та им. Я. М. Свердлова. С. 3.
- Бакунин М. А. (1989а). Государственность и анархия // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда. С. 291–526.
- Бакунин М. А. (1989б). Федерализм, социализм и антитеологизм // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда. С. 11–124.
- Батурин Н. (1926). Памяти «махаевщины»! // Правда. 2 марта. № 50. С. 12.
- Белл Д. (2004). Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia.
- Биллингтон Д. Х. (2001). Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры / Пер. с англ. под общ. ред. В. Скороденко. М.: Рудомино.
- Бурдье П. (2002). Формы капитала / Пер. с фр. М. С. Добряковой // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Бурдье П., Пассрон Ж.-К. (2007). Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Просвещение.
- Вавилов Н. И. (1990). Письмо академику М. Б. Митину // Вестник АН СССР. № 9. С. 111–119.
- Вебер М. (2007). О России: Избранное. М.: РОССПЭН.
- Вольский А. (1904). Умственный рабочий. Часть III. Выпуск 1: Социализм и рабочее движение в России. Женева.
- Вольский А. (1905а). Умственный рабочий. Часть I: Эволюция социал-демократии. Женева.
- Вольский А. (1905б). Умственный рабочий. Часть II: Научный социализм. Женева.
- Вольский А. (1905в). Умственный рабочий. Часть III. Выпуск 2: Социалистическая наука как новая религия. Женева.
- Вольский А. (1906а). Буржуазная революция и рабочее дело. Санкт-Петербург: Типо-лит. И. Лурье.
- Вольский А. (1906б). Умственный рабочий. Часть I: Эволюция социал-демократии. Санкт-Петербург: В. Яковенко.
- Вольский А. (1906в). Умственный рабочий. Часть II: Научный социализм. Санкт-Петербург: В. Яковенко.
- Вольский А. (1928). История мексиканских революций. М.–Л.: Государственное издательство.
- Вольский А. (1968). Умственный рабочий. Части I–III. Нью-Йорк: Международное литературное содружество.

Вооружить наши кадры марксизмом-ленинизмом // Правда. 1938. № 315. 15 ноября. С. 1.

Грамини А. (1991). Тюремные тетради. Ч. I. М.: Политиздат.

Джилас М. (1961). Новый класс. Нью-Йорк: Издательство Фредерик А. Прегер.

Задорожнюк И. Е., Кривенький В. В. (1994). Я. В. Махайский // Политическая история России в партиях и лицах. М.: Терра. С. 293–294.

Иванов-Разумник Р. В. (1908). Что такое «махаевщина»? К вопросу об интеллигенции. Санкт-Петербург: Издание С. В. Бунина.

Ильф И., Петров Е. (1938). Разговоры за чайным столом // Правда. № 138. 21 мая. С. 4.

Кривенький В. В. (1996а). Лозинский // Политические партии России: конец XIX — первая треть XX века. М.: РОССПЭН. С. 320.

Кривенький В. В. (1996б). Махайский // Политические партии России: конец XIX — первая треть XX века. М.: РОССПЭН. С. 350.

Кривенький В. В. (2018). Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М.: РОССПЭН.

Куренной В. А. (ред.). (2009). Мыслящая Росси: история и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Фонд «Наследие Евразии».

Куренной В. А. (2013). Советский эксперимент строительства институтов // *Глуценко И. В., Куренной В. А.* (ред.). Время, вперед! Культурная политика в СССР. М.: ВШЭ. С. 12–34.

Куренной В. А. (2020). Общество сингулярностей и новые классы: культур-социология Андреаса Реквица // *Logos Review of Books.* № 1. С. 28–31.

Кустарев А. (2006). Нервные люди: очерки об интеллигенции. М.: КМК.

Кустарев А. (2009). Советская Россия: самоопределяющие практики советской интеллигенции // Мыслящая Росси: история и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Фонд «Наследие Евразии». С. 54–71.

Ленин В. И. (1972). К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП к общепартийному съезду // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 7: Сентябрь 1902 — сентябрь 1903. М.: Издательство политической литературы.

Лозинский Е. (1907). Что же такое, наконец, интеллигенция? Санкт-Петербург: Новый Голос.

Лозинский Е. (1911). Лев Толстой об интеллигенции и рабочем вопросе (с приложением двух неизданных писем Толстого к автору). Санкт-Петербург: Северная Печатня.

Манхейм К. (2010). Эссе о социологии культуры // *Манхейм К.* Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Говорящая книга. С. 7–264.

Маркс К. (1955). Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т. 3. М.: Изд-во политической литературы.

Маркс К. (1960). Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы.

Махаевщина // Большая советская энциклопедия. Т. 38. 1-е изд. 1938. С. 494.

- Махаевщина // Большая советская энциклопедия. Т. 26. 2-е изд. 1954. С. 544.
- Митин М. Б. (1939). За передовую советскую генетическую науку // Под знаменем марксизма. № 10. С. 147–176.
- Моррас Ш. (2003). Будущее интеллигенции / Пер. с фр. А. М. Руткевича. М.: Практис.
- О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б). Постановление ЦК ВКП(б) // Правда. 1938. № 315. 15 ноября. С. 1.
- Рублев Д. И. (2007). Проблема «интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX — начала XX века: Диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.02. Москва.
- Рублев Д. И. (2020). «Науко-политическое сословие» и «диктатура интеллектуалов: проблема «интеллигенция и революция» в анархистской публицистике России конца XIX — начала XX веков. М.: Ленанд.
- Румянцева М. В. (2016). Концепция модерна в школе Иоахима Риттера: Диссертация... кандидата философских наук: 09.00.03. Москва.
- Скирда А. (2003). Социализм интеллектуалов. Ян Вацлав Махайский. Разоблачитель социализма, марксизма и самого Маркса. Париж: Громада.
- Сталин И. В. (2006). Выступление на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам партийной пропаганды в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)» 10 октября 1938 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Союз. С. 159–169.
- Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, 31 июля — 7 августа 1948 г. М.: ОГИЗ, Сельхозгиз, 1948.
- Судьбы русской интеллигенции: Материалы дискуссий. 1923–1925 гг. Новосибирск: Наука, 1991.
- Сувалко А. С. (2021). Прощание с иллюзиями: анализ общества позднего модерна Андреаса Реквица // Социологическое обозрение. Т. 20. № 1. С. 305–322.
- Сыркин Л. Н. (1929). Махаевщина (Из истории общественной жизни в России) // Красная летопись. № 6. С. 182–212.
- Сыркин Л. Н. (1930). Махаевщина (Из истории общественной жизни в России) // Красная летопись. № 1. С. 117–145.
- Сыркин Л. Н. (1931). Махаевщина. М., Л.: ОГИЗ.
- Толстой Л. Н. (1936). О «Вехах» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 38. М.: Художественная литература. С. 285–290.
- Троцкий Л. Д. (1924). Ленин и старая «Искра»: материалы для биографа. М.: Государственное издательство.
- Троцкий Л. Д. (2014). Преданная революция: что такое СССР и куда он идет? М.: Лань.
- Флорида Р. (2005). Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. А. Константинова. М.: Классика-XXI.
- Что такое «махаевщина»? // Правда. 1938. № 318. 18 ноября.
- Шетлих А. В. (1926). Памяти В. К. Махайского // Известия. 24 февраля. № 45. С. 4.

- Avrich P.* (1967). *The Russian Anarchists*. Princeton: Princeton University Press.
- Bell D.* (1979). *The New Class: A Muddled Concept* // *Society*. Vol. 16. № 2. P. 15–23.
- Bell D.* (1988). *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. Cambridge: Harvard University Press.
- Bourdieu P., Sapiro G., McHale B.* (1991). Fourth Lecture. *Universal Corporatism: The Role of Intellectuals in the Modern World* // *Poetics Today*. Vol. 12. № 4. P. 655–669.
- Burnham J.* (1941). *The Managerial Revolution*. N.Y.: John Day Co.
- Calverton V. F.* (ed.). (1937). *The Making of Society: An Outline of Sociology*. N.Y.: The Modern Library.
- Drucker P. F.* (1969). *The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society*. L.: William Heinemann.
- Gouldner A. W.* (1975–1976). *Prologue to a Theory of Revolutionary Intellectuals* // *Telos*. № 26. Winter. P. 3–36.
- Gouldner A. W.* (1979). *The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class*. L.: Macmillan.
- King L. P., Szelenyi I.* (2004). *Theories of the New Class: Intellectuals and Power*. Minnesota: University of Minnesota Press.
- Konrad G., Szelenyi I.* (1979). *The Intellectuals on the Road to Class Power*. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich.
- Kurennoy V.* (2021). *Contemporary State Cultural Policy in Russia: Organization, Political Discourse and Ceremonial Behavior* // *International Journal of Cultural Policy*. Vol. 27. № 2. P. 163–176.
- Lasswell H.* (1935). *World Politics and Personal Insecurity*. N.Y.: Whittlesey House.
- Machajski J. W.* (1979). *Le socialisme des intellectuels*. P.: Seuil.
- Müller O. W.* (1971). *Intelligencija: Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes*. Frankfurt am Main: Athenäum.
- Nomad M.* (1932). *Rebels and Renegades*. N.Y.: Macmillan.
- Nomad M.* (1961). *Apostles of Revolution*. N.Y.: Collier Books.
- Pryor Fr. L.* (1981). *The «New Class»: Analysis of the Concept, the Hypothesis and the Idea as a Research Tool* // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 40. № 4. P. 367–379.
- Reckwitz A.* (2017). *Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne*. Berlin: Suhrkamp.
- Reckwitz A.* (2019). *Das Ende der Illusionen: Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne*. Berlin: Suhrkamp.
- Riehl W. H.* (1851). *Die bürgerliche Gesellschaft*. Stuttgart: Cotta.
- Schatz M.* (1989). *Jan Waclaw Machajski: A Radical Critic of Russian Intelligentsia and Socialism*. Pittsburg: University of Pittsburg Press.
- Stein L. v.* (1921). *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage*. Bd. 1: *Der Begriff der Gesellschaft und die soziale Geschichte der französischen Revolution bis zum Jahre 1830*. München: Drei Masken.

Szelenyi I., Martin B. (1988). The Three Waves of New Class Theories // Theory and Society. Vol. 17. № 5. P. 645–667.

Criticism of Marxism as a Proto-theory of Cultural Capital and the “New Class”: J. W. Machajski’s Theory of Intelligentsia

Maria Chernovskaya

PhD Student, School of Philosophy; Research Assistant, International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, HSE University

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: chernovskayam@gmail.com

The article is devoted to the theory of intelligentsia developed by Jan Waclaw Machajski (1866–1926) and to the history of its transfer and reception in modern Western social theories. The main thesis of the article is that Machajski’s theory directly influenced the shaping of several Western social theories in the second half of the 20th century, such as the theories of the new class and the post-industrial society. The article includes a review of modern research literature devoted to Machajski, a brief biographical sketch, and an explication of the main thesis of his theory of intelligentsia. A history of the reception and the criticism of Machajski’s theory is analyzed in both the Soviet and post-Soviet periods, the result being that this theory was practically excluded from the Russian conceptual and theoretical context. In the article, the history of the transfer of this theory to the Western context in which Max Nomad played the decisive part is analyzed. As the result of this transfer, these ideas became known and acknowledged by a range of social theorists of the middle of the 20th century, for example, by Daniel Bell and Alvin Gouldner. In the concluding part of the work, it is shown that Machajski’s ideas that considered access to education and knowledge as a certain type of capital can be systematically recognized in later theories, in particular, in the theory of cultural capital by Pierre Bourdieu, and in the theory of society of singularities by Andreas Reckwitz.

Keywords: Machajski, intellectuals, intelligentsia, new class, Daniel Bell, cultural transfer

References

- XV sjezd vsesojuznoj kommunisticheskoj partii (b). Stenograficheskij otchet* [The 15th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Report], Moscow: OGIz, 2018.
- XVIII sjezd Vsesojuznoj Kommunisticheskoj partii (b). Stenograficheskij otchet* [The 18th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Report], Moscow: OGIz, 1939.
- Aleksandrov G. et al. (1947) Stalin. *Bol'shaja Sovetskaja Jenciklopedija. T. 52* [Big Soviet Encyclopedia, Vol. 52] (eds. S. Vavilova et al.), Moscow: OGIz, p. 540.
- Anderson F. et al. (1928) Mahaevshhina. *Nashi protivniki: sbornik materialov i dokumentov. T. 1* [Our Enemies: Collection of Materials and Documents, Vol. 1], Moscow: Sverdlov Communist University, pp. 143–160.
- Anderson F. et al. (1928) Ot sostavitelej [From Editors]. *Nashi protivniki: sbornik materialov i dokumentov. T. 1* [Our Enemies: Collection of Materials and Documents, Vol. 1], Moscow: Sverdlov Communist University, p. 3.
- Avrich P. (1967) *The Russian Anarchists*, Princeton: Princeton University Press.
- Bakunin M. (1989) Gosudarstvennost' i anarhija [Statism and Anarchy]. *Filosofija, Sociologija. Politika* [Philosophy. Sociology. Politics], Moscow: Pravda, pp. 291–526.

- Bakunin M. (1989) Federalizm, socializm i antiteologizm [Federalism, Socialism, Anti-Theologism]. *Filosofija, Sociologija. Politika* [Philosophy. Sociology. Politics], Moscow: Pravda, pp. 11–124.
- Baturin N. (1926) Pamjati "mahaevshhiny!" [In Memory of "Machaevtshina"]. *Pravda*, 2 march, no 50, p. 12.
- Bell D. (1979) The New Class: A Muddled Concept. *Society*, vol. 16, no 2, pp. 15–23.
- Bell D. (1988) *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*, Cambridge: Harvard University Press.
- Bell D. (2004) *Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo: opyt social'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting], Moscow: Academia.
- Billington D.-H. (2001) *Ikona i topor: opyt istolkovanija istorii russkoj kul'tury* [The Icon and the Axe: An Interpretative History of Russian Culture], Moscow: Rudomino.
- Bourdieu P., Sapiro G., McHale B. (1991) Fourth Lecture. Universal Corporatism: The Role of Intellectuals in the Modern World. *Poetics Today*, vol. 12, no 4, pp. 655–669.
- Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [Forms of Capital]. *Journal of Economic Sociology*, no 5, pp. 60–74.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (2007) *Vosproizvodstvo: jelementy teorii sistemy obrazovanija* [Reproduction: Elements of the Theory of Educational System], Moscow: Prosveshhenie.
- Burnham J. (1941) *The Managerial Revolution*, New York: John Day Co.
- Calverton V. F. (ed.) (1937) *The Making of Society: An Outline of Sociology*, New York: The Modern Library.
- Chto takoe "mahaevshhina"? [What is "mahaevshhina"?]. *Pravda*, 1938, no 318, 18 November.
- Djilas M. (1961) *Novyj klass* [New Class], New York: Frederick A. Praeger.
- Drucker P. F. (1969) *The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society*, London: William Heinemann.
- Florida R. (2005) *Kreativnyj klass: ljudi, kotorye menjajut budushhee* [The Rise of the Creative Class, and How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life], Moscow: Klassika-XXI.
- Gouldner A.W. (1975–1976) Prologue to a Theory of Revolutionary Intellectuals. *Telos*, no 26, Winter, pp. 3–36.
- Gouldner A.W. (1979) *The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class*, London: Macmillan.
- Gramsci A. (1991) *Tjurennyje tetradi. Ch. 1* [Prison Notebooks, Part 1], Moscow: Politizdat.
- Ilf I., Petrov E. (1938) Razgovory za čajnym stolom [Conversations at Tea]. *Pravda*, no 138, 21 May, p. 4.
- Ivanov-Razumnik R. (1908) *Chto takoe "mahaevshhina"? K voprosu ob intelligencii* [What is "mahaevshhina"? On the Question of Intelligentsia], Saint Petersburg: S. V. Bunin.
- King L. P., Szelényi I. (2004) *Theories of the New Class: Intellectuals and Power*, Minnesota: University of Minnesota Press.
- Konrád G., Szelényi I. (1979) *The Intellectuals on the Road to Class Power*, New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Krivenky V. (1996) Lozinskij [Lozinsky]. *Politicheskie partii Rossii: konec XIX — pervaja tret' XX veka* [Political Parties in Russia: The End of 19th — the First Third of the 20th Centuries], Moscow: ROSSPEN.
- Krivenky V. (1996) Mahajskij [Mahajskij]. *Politicheskie partii Rossii: konec XIX — pervaja tret' XX veka* [Political Parties in Russia: The End of 19th — the First Third of the 20th Centuries], Moscow: ROSSPEN.
- Krivenky V. (2018) *Anarhistское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика* [Anarchist Movement in Russia in the First Quarter of the 20th Century: Theory, Organization, Oractice], Moscow: ROSSPEN.
- Kurennoy V. (ed.) (2009) *Mysl'jashchaya Rossija: Istorija i teorija intelligencii i intellektualov* [Thinking Russia: History and Theory of Intelligentsia and Intellectuals], Moscow: Fond Nasledie Evrazii.
- Kurennoy V. (2013) Sovetskij jeksperiment stroitel'stva institutov [Soviet Experiment of Building Institutes]. *Vremja, vpered! Kul'turnaja politika v SSSR* [It's Time, Forward! Cultural Policy in the USSR] (eds. I. Glushhenko, V. Kurennoy), Moscow: HSE, pp. 12–34.
- Kurennoy V. (2020) Obshhestvo singularnostej i novye klassy: kul'tur-sociologija Andreasa Reckwitz [The Society of Singularities and New Class: Cultural Sociology of Andreas Reckwitz]. *Logos Review of Books*, no 1, pp. 28–31.

- Kurennoy V. (2021) Contemporary State Cultural Policy in Russia: Organization, Political Discourse and Ceremonial Behavior. *International Journal of Cultural Policy*, vol. 27, no 2, pp. 163–176.
- Kustarev A. (2006) *Nervnye ljudi: ocherki ob intelligencii* [Nervous People: Essays on Intelligentsia], Moscow: KMK.
- Kustarev A. (2009) Sovetskaja Rossija: samoopredelitel'nye praktiki sovetskoj intelligencii [Soviet Russia: Self-defining Practices of Soviet Intelligentsia]. *Mysl'jashchaya Rossija: istorija i teorija intelligencii i intellektualov* [Thinking Russia: History and Theory of Intelligentsia and Intellectuals] (ed. V. Kurennoy), Moscow: Fond Nasledie Evrazii, pp. 54–71.
- Lasswell H. (1935) *World Politics and Personal Insecurity*, New York: Whittlesey House.
- Lenin V. (1972) K voprosu o dokladah komitetov i grupp RSDRP k obshhepartijnomu sjezdu [Toward the Question of Reports of Committees of RSDRP Groups on Party Congress]. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 7* [Complete Works, Vol. 7], Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Lozinsky E. (1907) *Chto zhe takoe, nakonec, intelligencija?* [What is Intelligentsia, Finally?], Saint Petersburg: Novy Golos.
- Lozinsky E. (1911) *Lev Tolstoj ob intelligencii i rabochem voprose* [Leo Tolstoy on Intelligentsia and Question of Worker], Saint Petersburg: Severnaja Pechatnja.
- Machajski J. W. (1979) *Le socialisme des intellectuels*, Paris: Seuil.
- Mannheim K. (2010) Jesse o sociologii kul'tury [Essays on the Sociology of Culture]. *Izbrannoe: Diagnost nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time: Selected Works], Moscow: Govorjashhaja kniga, pp. 7–264.
- Marx K. (1955) Nemeckaja ideologija [German Ideology]. Marks K., Engels F., *Sobranie sochinenij. T. 3* [Works, Vol. 3], Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
- Marx K. (1960) Kapital [Capital]. Marks K., Engels F., *Sobranie sochinenij. T. 23* [Works, Vol. 23], Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Mahaevshchina [Makhaevshchina]. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. T. 38* [Big Soviet Encyclopedia, Vol. 38], 1938, p. 494.
- Mahaevshchina [Makhaevshchina]. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. T. 26* [Big Soviet Encyclopedia, Vol. 26], 1954, p. 544.
- Maurras Ch. (2003) *Budushhee intelligencii* [The Future of the Intelligentsia], Moscow: Praxis.
- Mitin M. (1939) Za peredovuju sovetskuju geneticheskiju nauku [For the Advanced Soviet Genetic Science]. *Pod znamenem marksizma*, no 10, pp. 147–176.
- Müller O. W. (1971) *Intelligencija: Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes*, Frankfurt am Main: Athenäum.
- Nomad M. (1932) *Rebels and Renegades*, New York: The Macmillan Company.
- Nomad M. (1961) *Apostels of Revolution*, New York: Collier Books.
- O postanovke partijnoj propagandy v svjazi s vypuskom "Kratkogo kursa istorii VKP(b)" [On the Issue of Party Propaganda Due to the Publication of the "Short Course of History of VKP(b)"]. *Pravda*, 1938, no 315, 15 November, p. 1.
- Pryor Fr. L. (1981) The "New Class": Analysis of the Concept, the Hypothesis and the Idea as a Research Tool. *American Journal of Economics and Sociology*, vol. 40, no 4, pp. 367–379.
- Reckwitz A. (2017) *Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne*, Berlin: Suhrkamp.
- Reckwitz A. (2019) *Das Ende der Illusionen: Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne*, Berlin: Suhrkamp.
- Riehl W. H. (1851) *Die bürgerliche Gesellschaft*, Stuttgart: Cotta.
- Rublev D. (2007) *Problema "intelligencija i revoljucija" v rossijskoj anarhistskoj publicistike konca XIX — nachala XX veka* [The Problem of "Intelligentsia and Revolution" in Russian Anarchist Political Essays at the End of 19th — Beginning of the 20th Centuries] (Candidate of Historical Sciences Dissertation), Moscow.
- Rublev D. (2020) "Nauko-politicheskoe soslovie" i "diktatura intelektualov": problema "intelligencija i revoljucija" v anarhistskoj publicistike Rossii konca XIX — nachala XX vekov ["Scientific and Political Estate" and "Dictatorship of Intellectuals": The Problem of "Intelligentsia and Revolution" in Russian Anarchist Political Essays at the End of 19th — Beginning of the 20th Centuries], Moscow: Lenand.

- Rumyantseva M. (2016) *Koncepcija moderna v shkole loahima Rittera* [Conception of Modernity in Joachim Ritter School] (Candidate of Philosophical Sciences Dissertation), Moscow.
- Schatz M. (1989) *Jan Waclaw Machajski: A Radical Critic of Russian Intelligentsia and Socialism*, Pittsburg: University of Pittsburgh Press.
- Shetlikh A. (1926) Pamjati V. K. Mahajskogo [In Memory of J. W. Machajski]. *Izvestija*, 24 February, no 45, p. 4.
- Skirda A. (2003) *Socializm intelektualov. Jan-Vaclav Mahajskij: razoblachitel' socializma, marksizma i samogo Marksa* [Socialism of Intellectuals. Jan-Vaclav Mahajskij: The Debunker of Socialism, Marxism, and the Marx Himself], Paris: Gromada.
- Stalin I. (2006) Vystuplenie na zasedanii Politbjuro CK VKP(b) po voprosam partijnoj propagandy v svjazi s vyhodom "Kratkogo kursa istorii VKP(b)" 10 oktjabrja 1938 goda [Speech on Politburo Meeting of CC of CPSU on the Issue of Party Propaganda in Relation to the Publication of "Short Course of History of CPSU", October 10, 1938]. *Sochinenija. T. 18* [Works, Vol. 18], Tver': Sojuz, pp. 159–169.
- Stein L. v. (1921) *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage, Bd. 1: Der Begriff der Gesellschaft und die soziale Geschichte der französischen Revolution bis zum Jahre 1830*, München: Drei Masken.
- Stenograficheskij otchjot sessii Vsesojuznoj akademii sel'skohozjajstvennyh nauk imeni V. I. Lenina, 31 july — 7 august 1948* [Verbatim Report of the Session of Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences, 31 July — 7 August 1948], Moscow: OGIz, Selkhozgiz, 1948.
- Sud'by russskoj intelligencii: materialy diskussij. 1923–1925 gg.* [Fate of Russian Intelligentsia: Discussion Materials, 1923–1925], Novosibirsk: Nauka, 1991.
- Suvalko A. (2021) Proshhanie s illuzijami: analiz obshhestva pozdnego moderna Andreasa Rekvica [Farewell to Illusions: An Analysis of Late Modern Society by Andreas Reckwitz]. *Russian Sociological Review*, vol. 20, no 1, pp. 305–322.
- Syrkin L. (1929) Mahaevshchina (Iz istorii obshhestvennoj zhizni v Rossii) [Makhaevshchina: From the History of Social Life in Russia]. *Krasnaja letopis'*, no 6, pp. 182–212.
- Syrkin L. (1930) Mahaevshchina (Iz istorii obshhestvennoj zhizni v Rossii) [Makhaevshchina: From the History of Social Life in Russia]. *Krasnaja letopis'*, no 1, pp. 117–145.
- Syrkin L. (1931) *Mahaevshchina* [Makhaevshchina], Moscow-Leningrad: OGIz.
- Szelenyi I., Martin B. (1988) The Three Waves of New Class Theories. *Theory and Society*, vol. 17, no 5, pp. 645–667.
- Tolstoy L. (1936) O "Vehah" [About "Vekhi"]. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 38* [Complete Works, Vol. 38], Moscow: Khudozhestvennaia Literatura, pp. 285–290.
- Trotsky L. (1924) *Lenin i staraja "Iskra": materialy dlja biografy* [Lenin and the Old "Iskra": Materials for a Biography], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Trotsky L. (2014) *Predannaja revoljucija: chto takoe SSSR i kuda on idet?* [The Revolution Betrayed: What is the Soviet Union and Where Is It Going], Moscow: Lan'.
- Vavilov N. (1990) Pis'mo akademiku N. B. Mitinu [Letter to Academic N. B. Mitin]. *Vestnik AN SSSR*, no 9, pp. 111–119.
- Volsky A. (1904) *Umstvennyj Rabochij. Chast' III. Vypusk I: Socializm i rabochee dvizhenie v Rossii* [Intellectual Worker, Part 3, Vol. 1: Socialism and Labor Movement in Russia], Zheneva.
- Volsky A. (1905) *Umstvennyj rabochij. Chast' I: Jevoljucija socialdemokratii* [Intellectual Worker, Part 1: Evolution of Social Democracy], Zheneva
- Volsky A. (1905) *Umstvennyj rabochij. Chast' II: Nauchnyj socialism* [Intellectual Worker, Part 2: Scientific Socialism], Zheneva.
- Volsky A. (1905) *Umstvennyj Rabochij. Chast' III. Vypusk II: Socialisticheskaja nauka kak novaja religija* [Intellectual Worker, Part 3, Vol. 2: Socialistic Science as a New Religion], Zheneva.
- Volsky A. (1906) *Burzhuaznaja revoljucija i rabochee delo* [Bourgeois Revolution and the Labor Movement], Saint Peterburg: I. Lurie.
- Volsky A. (1906) *Umstvennyj Rabochij. Chast' I: Jevoljucija socialdemokratii* [Intellectual Worker, Part 1: Evolution of Social Democracy], Saint Peterburg: V. Yakovenko.
- Volsky A. (1906) *Umstvennyj Rabochij. Chast' II: Nauchnyj socialism* [Intellectual Worker, Part 2: Scientific Socialism], Saint Peterburg: V. Yakovenko.

- Volsky A. (1928) *Istorija meksikanskih revoljucij* [History of Mexican Revolutions], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Volsky A. (1968) *Umstvennyj Rabochij* [Intellectual Worker], New York: Mezhdunarodnoe literaturnoe sodruzhestvo.
- Vooruzhit' nashi kadry marksizmom-leninizmom [Arm Our Manpower with Marxism-Leninism]. *Pravda*, 1938, no 315, 15 November, p. 1.
- Weber M. (2007) *O Rossii: Izbrannoe* [On Russia: Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Zadorozhnyuk I., Krivenky V. (1994) Jan. V. Mahajskij [J. W. Machajski]. *Politicheskaja istorija Rossii v partijah i licah* [Political History of Russia in Parties and Persons], Moscow: Terra, pp. 293–294.